63.5
Б 74

АФИ
Академия Фундаментальных Исследований

БИБЛИОТЕКА

В. Г. Богораз

Чукчи

Материальная культура

URSS

63.5
Б 74

Академия фундаментальных исследований:
этнология

В. Г. Богораз

ЧУКЧИ

Материальная культура

Ответственный редактор,
автор послесловия и примечаний
И. С. Вдовин

Издание второе

URSS
МОСКВА

КАМЧАТСКАЯ КРАЕВАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. С.П. КРАШЕНИННИКОВА
ИНВ № 1179801

ББК 63.3 63.5

Богораз Владимир Германович

Чукчи: Материальная культура / Отв. ред., автор послесл. и примеч. И. С. Вдовин. Изд. 2-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 264 с., ил. (Академия фундаментальных исследований: этнология.)

Вниманию читателей предлагается книга выдающегося отечественного этнографа В. Г. Богораза (1865–1936), ставшая результатом его многолетней исследовательской работы в Колымском округе Якутской губернии и в экспедициях на Камчатку, в Анадырский край и на Чукотский полуостров. Автор изучает различные стороны материальной культуры чукчей, описывает их жилище и домашнюю утварь, одежду, пищу, виды и средства производства, а также основные занятия — оленеводство, собаководство, охоту и рыболовство. Рассматриваются также увеселения, игры и забавы чукчей, песни и танцы, спортивные состязания.

Книга была первоначально издана в США на английском языке в 1904 г. и переведена автором на русский язык. Она представляет собой третью часть фундаментальной монографии В. Г. Богораза (первая и вторая части, посвященные соответственно социальной организации и религиозным верованиям чукчей, выходят одновременно с третьей в нашем издательстве), но может рассматриваться как совершенно самостоятельное произведение.

Книга будет интересна как специалистам — этнографам и историкам, так и широкому кругу читателей.

Издательство «Книжный дом “ЛИБРОКОМ”».
117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.
Формат 60×90/16. Печ. л. 16,5. Зак. № 4384.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978–5–397–01837–1

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ», оформление, 2011

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА
E-mail: URSS@URSS.ru
Каталог изданий в Интернете:
http://URSS.ru
Тел./факс (многоканальный):
+ 7 (499) 724–25–45
URSS

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1
Оленеводство 6
Группы оленеводов 6
Начало чукотского и корякского оленеводства 8
Возрастание чукотского оленеводства 9
Домашний олень 9
Пастушеский труд 19
Езда на оленях 26
Экономическая ценность оленеводства 33

Глава 2
Собаководство 36
Группы собаководства . . 36
Обучение собаки 38
Езда на собаках 43

Глава 3
Охота и рыболовство 53
Тюлений промысел 53
Охота на моржа и кита . . 59
Тюленьи сети 63
Чукотские лодки 65
Охота на суше 70
Звериные ловушки 75
Охота на птиц 79
Рыболовство 82
Чукотское вооружение . . 88
Огнестрельное оружие, копья и прочее вооружение . 90
Доспехи 100

Глава 4
Жилище. Домашняя утварь . 102
Жилище 102
Внутреннее спальное помещение 104
Передвижное пастушеское жилище 108
Зимнее жилище 110
Летнее жилище 111
Жилище приморских чукоч 112
Подземные жилища . . . 114
Снежное жилище 117
Домашняя утварь 117
Жирник 118
Котлы 119
Прибор для разбивания костей 119
Водовместилища 120
Блюда, чашки и т. п. . . . 121
Мешки 125

Глава 5
Пища 126
Животная пища 126
Способы варки пищи . . . 127
Сырое мясо, гниющее, падаль 127
Запреты 130
Растительная пища 130
Чукотские блюда 132
Чай, табак и проч. 133
Опьяняющие средства . . 139

Глава 6
Производство 143
Работа по камню 143
Работа по дереву 144
Работа по железу 149
Женские работы 149
Кройка и шитье 157
Вышивание 160
Корзины и коробочки . . . 163
Ремни и плетения из ремней 163
Приспособления для добывания огня 166

Глава 7
Одежда 169
Мужская зимняя одежда . 169
Женская зимняя одежда . . 178
Летняя одежда 180
Детская одежда 185
Натазники 186
Прически 186
Татуировка 187
Украшения 189
Снеговые очки 192
Лыжи, лыжные палки . . . 193

Глава 8
Увеселения, игры, забавы 197
Спорт 197
Песни и танцы 200
Детские игры, игрушки и проч. 204

Примечания 207

ПРИЛОЖЕНИЕ

Основные труды В. Г. Богораза о чукчах 209

И. С. Вдовин. Послесловие . 211

Уважаемые читатели! По техническим причинам далее в настоящем издании нумерация книги приводится со страницы 5.

Глава 6

ПРОИЗВОДСТВО

Работа по камню. Чукчи еще в сравнительно недавнее время употребляли каменные орудия и оружие, так же как и некоторые другие народности Северо-Восточной Азии. Женщины, как более консервативные, до сих пор сохраняют некоторые предметы каменного века и даже стараются подчеркнуть их важное религиозное значение.

Так обстоит дело, например, в отношении кухонных каменных молотков.

В самых глухих местах чукотской области, например в местности, занимаемой племенем керек, каменные тесла и ножи исчезли только в последнюю четверть предшествующего столетия. Среди чукоч и азиатских эскимосов каменные изделия этого рода исчезли в половине прошлого столетия. О характере их можно получить представление по предметам, находимым в покинутых жилищах и на местах погребения. Сравнивая эти предметы с предметами, находимыми в других областях Северо-Восточной Азии, мы видим, что наконечники гарпунов, копий и стрел всюду делались из кремня, сланца, обсидиана, а иногда из кварца. Наконечники стрел, сделанные из обсидиана, в общем более грубы, чем сделанные из кремня. Кремневые наконечники благодаря тщательной шлифовке совершенно симметричны и имеют отточенные концы.

Сланцевые изделия гладки и заострены другим камнем. Чтобы прикрепить их к древку, чукчи делали в них отверстия с помощью тонкого сверла, попеременно сверля то ту, то другую сторону, пока не получалось отверстие. Сланцевые изделия были непрочными. Например, наконечник китового гарпуна, сделанный из сланца, требовал смены после каждого удара. Сланец являлся довольно подходящим материалом для ножей. Сланцевые ножи находятся почти в каждом «челюстном» доме.

Кость, в частности моржовые бивни и олений рог, также употреблялась для изготовления всякого рода оружия: наконечников, гарпунов, стрел и т. п. После появления железа костяные наконечники оказались значительно устойчивее, чем каменные.

Из предметов, находимых в развалинах древних чукотских и эскимосских жилищ, только немногие носят следы изготовле-

ния посредством каменных орудий. Бо́льшая часть обработана железными ножами. Основание наконечника гарпуна до сих пор режется почти исключительно из кости. Кость применяется также в орудиях для раскалывания льда. Костяные наконечники стрел встречаются всюду, где еще применяется лук. Широко распространен род костяной свайки. Свайка имеет несколько разновидностей (рис. 126). Встречаются свайки в виде двойной развилки (рис. 126b), с заостренными концами или с маленькой лопаточкой на заднем конце[1]. Так как железные гвозди не имеют широкого употребления и все то, что требует скрепления в санях, лодках и т. п., скрепляется ремнями, то свайка является весьма важным предметом, который требуется везде, где нужна развязка узлов.

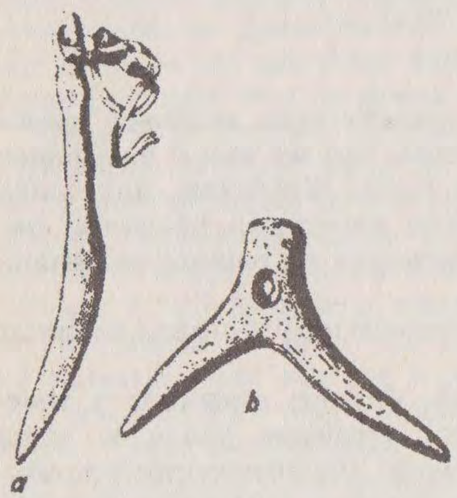


Рис. 126. Приспособления для развязывания узлов

Работа по дереву. Работа по дереву производится чукчами преимущественно с помощью железного тесла (ga'ttı), которое употребляется ими как для разрубания дерева, так и для обтесывания его (рис. 127a).

В противоположность ламутам и юкагирам чукчи не умеют работать топором и употребляют последний только для рубки деревьев на корню и при заготовке дров. Тесло употребляется во всех столярных работах, даже для изготовления полозьев, досок для выделки шкур и т. п. Самые тесла изготовляются преимущественно обрусевшими юкагирскими кузнецами и покупаются чукчами в готовом виде. Задний конец тесла изогнут в трубку, в отверстие которой вставляется деревянная ручка. Тесла, употребляемые приморскими чукчами, иногда делаются из старых американских подпилков, которые обиваются молотком и привязываются к ручке. Тесла, равно как и другие чукотские железные инструменты, часто хранятся в чехле из дерева для предохранения лезвия от притупления в нерабочее время. Для длинных и узких предметов чехол делается из кожи, и часто для этого употребляется шкура с ног оленьего теленка, снятая чулком (рис. 74k).

Долото употребляется преимущественно для выдалбливания небольших отверстий в санных полозьях, в которые вставляются

[1] См. рис. 110 на с. 123.

концы копыльев (рис. 127b). Кончик долота обычно снабжен деревянным чехлом.

Вращательное сверло (lu^e'mine) употреблялось чукчами задолго до ознакомления их с железом. Сверлом провертывали отверстия в древках для прикрепления наконечников копий и т. п. Чтобы разрезать пополам кусок кости или твердого дерева, просверливался ряд дырок по прямой линии — способ, который в некоторых случаях применяется и цивилизованными народами. В настоящее время чукотские сверла вышеуказанного типа имеют железный наконечник (рис. 128). Этот наконечник помещается на прямом деревянном древке. Древко имеет головку, соединенную с ним при помощи стержня так, что древко может свободно вращаться. Вращается оно при помощи лучка, который бывает прямым или изогнутым, но без резьбы или других украшений, чем отличаются сверлильные лучки аляскинских эскимосов. К обоим концам лучка прикрепляется ремень, который обматывается два или три раза вокруг древка; иногда ремень пропускается через отверстие около середины древка. Работающий сверлом левую свою руку помещает на голову древка, правой рукой берется за лучок и движениями руки взад и вперед приводит сверло в быстрое вращательное движение.

Имеются вращательные сверла несколько иного вида (рис. 129). Лучок представляет собой брусок или доску, узкую на концах и более широкую посредине. Через отверстие посредине лучка проходит тонкое древко сверла. У древка в его верхней части имеется отверстие, через которое пропускается ремень. Ремень, в свою очередь, своими концами привязывается к узким концам лучка. Получается вид треугольника, основание которого образует лучок, а боковые стороны — привязанный к концам лучка и пропущенный через вершину древка ремень. Древко же проходит перпендикулярно из вершины через отверстие в средине лучка. В нижней части древка, между железным наконечником и древком, прикрепляется плоская деревянная плашка. Сверло приводится в действие давлением на лучок после того, как ремень обвит вокруг древка. Сверло указанного типа дает больший эффект в работе, чем вышеописанный сверлильный аппарат. Оно употребляется для сверления кости и даже листового железа.

У эскимосов мыса Чаплина и острова Св. Лаврентия употребляются сверла более упрощенного типа; они не имеют лучка и приводятся во вращательное движение ладонями рук (рис. 130). Хотя они снабжены железным наконечником, но годны лишь для сверления мягкого дерева, а не для сверления моржовых клыков и кости вообще.

Чукчи употребляют также маленькие пилы, сделанные в подражание русским и американским образцам (рис. 131). Ими

пользуются для распилки оленьего рога и кости, дерево же обычно режется ножом.

Для обтесывания, резьбы и вообще отделки всякого рода работ по дереву у чукоч, коряков, юкагиров и эскимосов употребляются «изогнутые ножи» (рис. 132a–c). Лезвие делается из тонкого, суживающегося к концу куска железа или стали от 3 до 10 см в длину. Оно насаживается на тонкую деревянную или костяную ручку.

Лезвие прикрепляется к ручке деревянным гвоздиком или просто привязывается

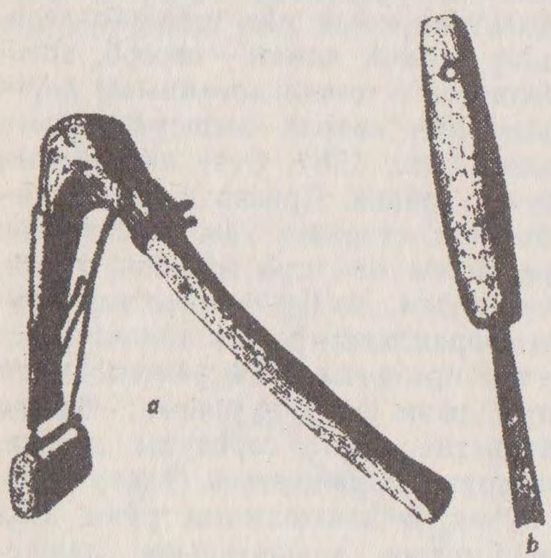


Рис. 127. *a* – Железное тесло. Длина лезвия 15 см; *b* – Полукруглая стамеска. Длина 22,5 см

Рис. 129. Сверло. Длина 62 см

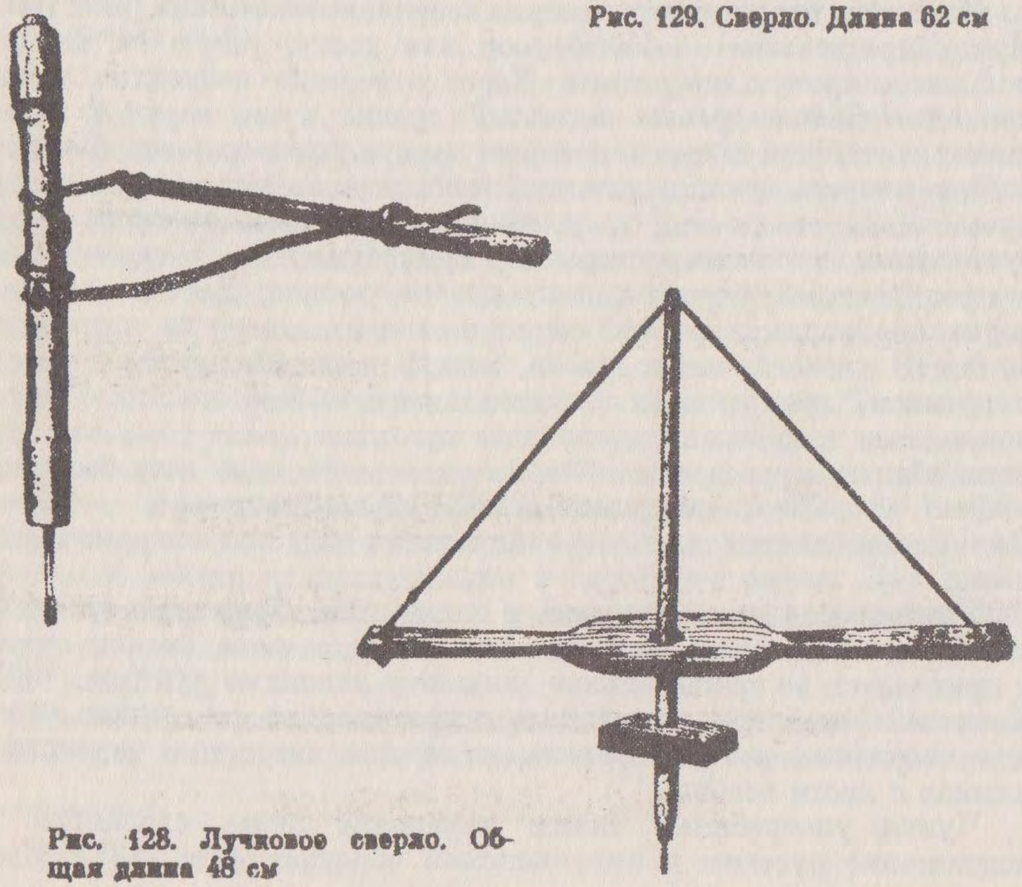


Рис. 128. Лучковое сверло. Общая длина 48 см

тонким ремнем. Этот нож походит на изогнутый нож аляскинских эскимосов. Чукчи работают изогнутым ножом с теми же характерными движениями, как и простым, направляя его не от себя, а к себе, тогда как местные русские и обрусевшие юкагиры работают ножом, двигая им в направлении преимущественно от себя. Ни у чукоч, ни у других соседних племен не имеется специальных инструментов для резьбы или гравировки по кости. Эта работа исполняется ножами, изогнутыми или простыми, но предпочтительно с короткими тонкими лезвиями [III].

Чукчи для повседневных работ предпочитают употреблять изогнутые ножи. Прямой нож служит для обычного резания, употребляется также пастухами для убоя оленей, он же употребляется за столом для резания и рубки мяса. Мясо, употребляемое оленными и приморскими чукчами, так твердо, что совершенно невозможно справляться с ним без ножа.

Каждый взрослый член чукотской семьи и каждый ребенок по достижении пятилетнего возраста имеет свой нож для пользова-

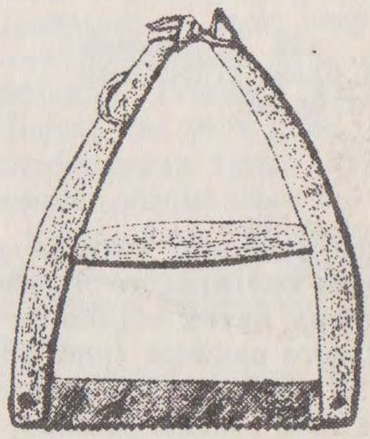
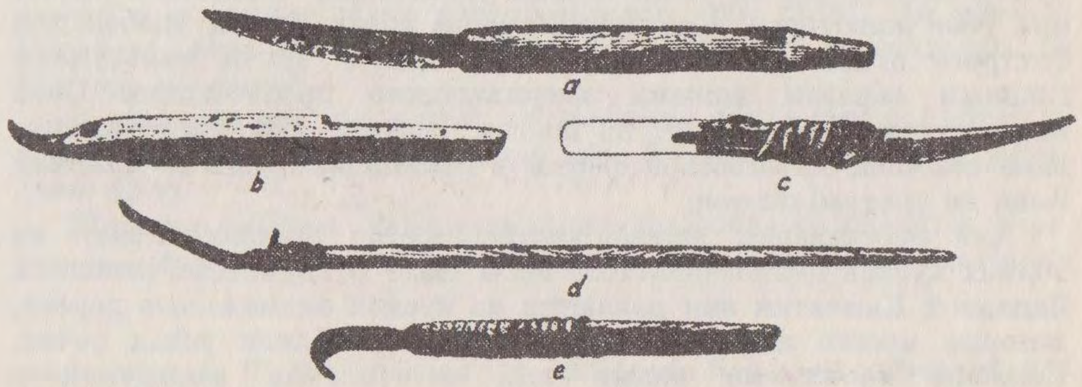


Рис. 130. Маленькое сверло. Длина 19 см. Эскимосы, мыс Чаплина

Рис. 131. Железная пила. Длина лезвия 9,5 см

Рис. 132. *a*, *b*, *c* – Изогнутые ножи. Длина 31, 18 и 16 см; *d* – Длинный изогнутый нож обрусевших аборигенов, Марково. Длина 68 см; *e* – Нож для вырезывания ложек. Длина 21 см



ния им при еде. Часто такие ножи представляют собой просто небольшие куски железа, грубо насаженные на ручку и негодные для долгого употребления.

Чукотские ножи различаются главным образом по своей величине. Самые маленькие называются rê'ččêt-va'le — «поясные ножи». Они имеют лезвие с толстым обухом и длинный заостренный конец. На другом конце лезвия находится тонкий круглый стержень, который так крепко вставляется в ручку из дерева или оленьего рога, что обычно держится на своем месте без вспомогательных укреплений. Ручка ножа часто имеет насечки для

Рис. 133. Нож для резьбы по кости. Длина 13 см. Олюторские коряки

Рис. 134. Прямой нож. Длина 26,5 см

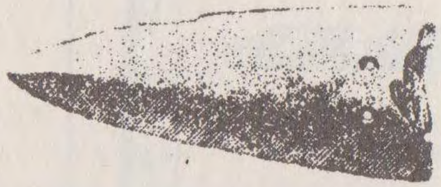


Рис. 135. Сланцевый нож. Длина 12 см. Эскимосы, Вутээн

более удобного захвата рукой. Большая часть таких ножей — русско-юкагирского производства. Некоторая часть изготовляется чукчами путем обработки американских стальных подпилков маленького размера (рис. 132а). Чехол, или ножны, обычно делается из куска шкуры лахтака, сложенной и сшитой или прошнурованной тонким ремешком (рис. 83).

Ножи якутского изготовления более подходящи для оленных чукоч, потому что их узкие лезвия удобны для нанесения ударов при убое животного, а глубокий прорез вдоль лезвия удобен для быстрого стока крови из ран. Приморские чукчи пользуются главным образом ножами американского производства. Свои ножи чукчи обычно носят на поясах. Ножи с обоюдоострым лезвием обычной эскимосской формы в настоящее время в Северной Азии не употребляются.

Для оттачивания ножей употребляются приспособления из тонких кусков мелкозернистого песчаника. В корякских селениях Западной Камчатки они делаются из кусков окаменелого дерева, которые можно найти на морском берегу вблизи устья речек. Большие точильные камни для оттачивания инструментов

делаются из четырехугольных глыб гладкозернистого песчаника, который встречается в разных местах страны. Вращающиеся точильные камни покупаются чукчами у русских и американцев.

Чукчам редко приходится раскалывать дерево в своей безлесной стране. Они предпочитают обтесывать дерево своими легкими теслами, несмотря на то, что иногда требуется целый день, чтобы обтесать один санный полоз. Постепенно чукчи обучаются у юкагиров раскалывать дерево при помощи деревянных клиньев, более искусно.

Работа по железу. Работа по железу мало развита среди чукоч. Это объясняется отчасти трудностью изготовления древесного угля, необходимого для кузнечного производства. Поэтому чукчи работают преимущественно по холодному железу подпилком и молотком (табл. XX, рис. 2). В очень небольшом количестве у них есть глиняные горны с большими воздуходувными мехами. По форме своей они представляют копию горнов, употребляемых обрусевшими туземцами.

Чукотские меха иногда делаются из кожи тюленя, в верхней и нижней части имеют доски, вместо трубки — ствол старого ружья (рис. 136). Меха приводятся в движение рукой. У обрусевших туземцев и коряков иногда к железному глазку, прикрепленному к ручке мехов, привязывается веревка, в свою очередь прилаженная к гладкому бруску. Это приспособление дает возможность работать без постоянного сгибания. Режется железо подпилками, купленными у торговцев. Иногда для этой цели употребляются железные пилы местного изготовления (рис. 137).

Оленные чукчи совсем не умеют починять сломанные железные инструменты и предметы. Они вынуждены обращаться за этим к ламутам или русским в самых маловажных случаях. Среди оленных чукоч очень немного кузнецов. Кузнечное дело считается высшим из человеческих искусств.

Приморские чукчи на Тихоокеанском берегу лучше знают кузнечное ремесло. Они чинят также поломанные винчестеры. У них существует особый вид работы по металлу — просверливание новых ушков у иголок со сломанными ушками, что достигается с помощью очень тонкого сверла (рис. 138). По мнению Стеллера, этот способ сверления был известен камчадалам до прихода русских [2].

В качестве щипцов чукчи употребляют кусок дерева, обтесанный посредине и затем согнутый соответствующим образом (рис. 139).

Женские работы. Работа женщин заключается главным образом в снятии шкур и разделывании туш животных, выделке

---

[2] *Steller G. W.* Beschreibung von dem Lande Kamtchatka. Frankfurt und Leipzig, 1774, S. 320.

Рис. 136. Воздуходувные меха. Длина 119 см

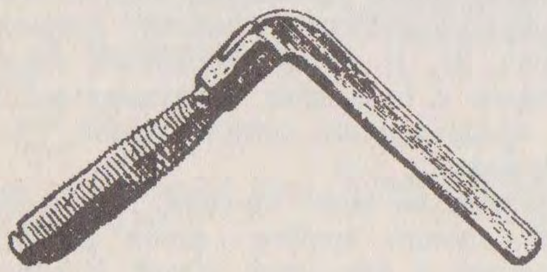


Рис. 137. Пила для резания железа. Длина лезвия 12 см

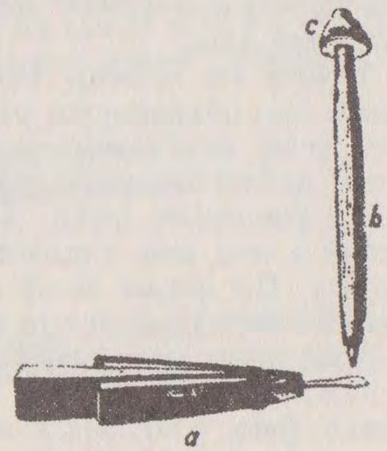


Рис. 138. Приспособление для сверления ушек в сломанных иглах

Рис. 139. Деревянные шипцы. Длина 11,5 см

кож, кройке и шитье одежды. У приморских чукоч и эскимосов женщины употребляют «мясные ножи», по форме своей одинаковые с такими же ножами американских эскимосов, имеющими вид полумесяца. В настоящее время они делаются из железа (рис. 140 a, b), а прежде делались из сланца и обсидиана. Образцы таких ножей можно найти на местах древних жилищ (рис. 141 a, b). Но ножи эти употребляются преимущественно для разрубания и резания китового жира. Они неудобны для разделывания оленьих туш с их длинными и толстыми костями. Поэтому женщины оленных чукоч употребляют для этой цели обычные ножи, толстые и прямые.

При разделке оленьей туши рога животного отделяются вместе с верхушкой черепа теслом или топором. Затем делается длинный разрез по шкуре от нижней губы к хвосту по брюху животного. Шкура сдирается руками, начиная с брюшной полости. Затем отделяется голова и ноги, извлекаются внутренности и кровь. Туша разделяется на семь частей: две коленные части,

две плечевые, грудная часть, задняя часть с тазом и шея. Грудинка считается лучшей частью оленя. Шкуры, снятые с животного, очищаются от остатков мяса и жил ножом. Также удаляется внутренняя оболочка. Затем шкуры растягиваются для просушки. Шкуры добытых пушных зверей всегда снимаются целиком и распяливаются на деревянных сушильных правилах, а иногда просто на деревянной плахе, грубо обделанной соответствующим образом.

Сушильные правила, употребляемые всеми племенами Северо-Восточной Азии, состоят из двух палок, связанных в своей верхней части таким образом, что они легко могут быть сдвинуты и раздвинуты (рис. 142). Третья планка прикрепляется поперек в нижней части. Один конец этой поперечной перекладины легко отвязывается, что дает возможность удобно надевать на правило шкуру и распяливать ее, насколько необходимо.

Оленьи шкуры растягиваются также на земле, края их придерживаются камнями. Иногда они прикрепляются к земле деревянными колышками, что дает возможность распялить шире и делает шкуру более широкой по высушке. Тюленьи и моржовые кожи распяливаются с помощью ремней на четырехугольных рамах, подобно тому как это делается жителями Аляски [3]. Ремни пропускаются через отверстия в краях шкуры. Высохшие шкуры складываются в стопки (рис. 143). Оленьи же шкуры просто складываются пополам или свертываются и перевязываются ремнем.

Приспособления при размягчении и скоблении шкур у чукоч такие же, как у коряков, юкагиров и камчадалов. В древности лезвие скобеля делалось из камня, например из круглого, плоского сланца (рис. 144a) или обсидиана; оно укреплялось посредине несколько изогнутой деревянной рукоятки. Работают таким скобелем, держа его двумя руками, причем шкура раскладывается на гладкой узкой доске, которая укрепляется между колен (табл. XIX, рис. 2). Прежде железные скобели употреблялись преимущественно для более тонкой работы, но теперь они, вытесняя каменные, применяются для всякой обработки шкур (рис. 144b).

Скобеля из моржового клыка имеют овальную форму или форму полумесяца с углублением посредине (рис. 147a, b). Они употребляются чукчами и соседними племенами для обработки кишок морских млекопитающих, которыми пользуются как материалом для некоторых видов одежды. Форма скобеля такая же, как у американских эскимосов [4]. Коряки и камчадалы для этой цели пользуются железными или медными инструментами той же

---

[3] *Nelson E. W.* The Eskimo about Bering Strait. Washington, 1899, p. 116, fig. 32.

[4] Ср.: Там же, pl. 1, fig. 9, 10, p. 118.

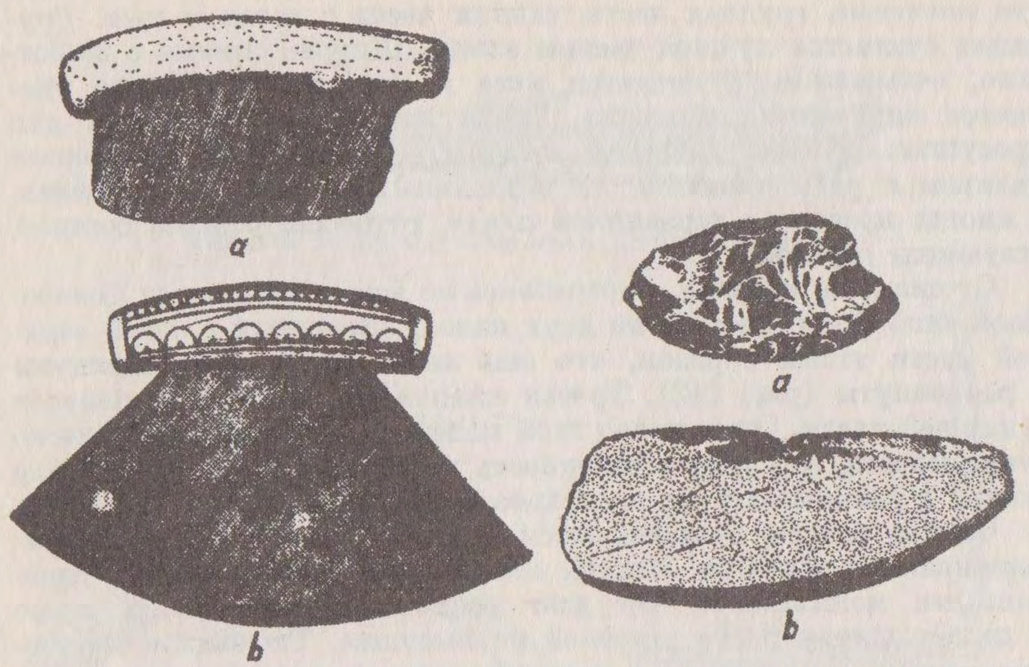


Рис. 140. Женские ножи. 1/3 натуральной величины (*a* – чукчи, *b* – эскимосы, мыс Чаплина)

Рис. 141. *a* – Женский сланцевый нож; *b* – Женский обсидиановый нож; 1/2 натуральной величины. Эскимосы. Вутээн

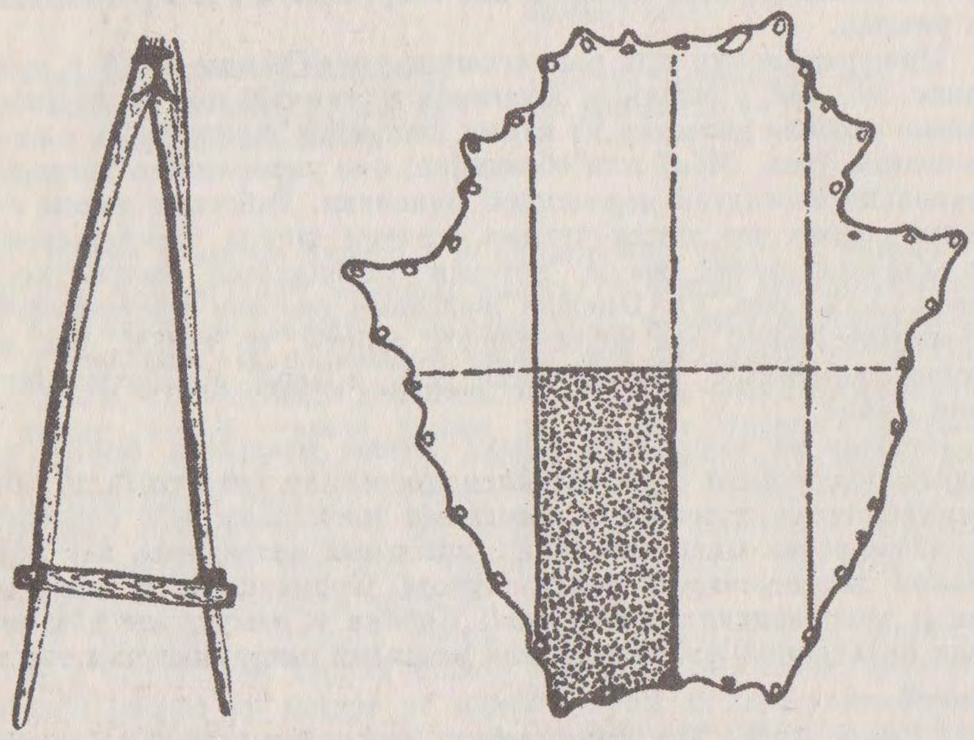


Рис. 142. Сушильные правила для пушнины. Длина 103 см

Рис. 143. Способ складывания тюленьей шкуры. 1/10 натуральной величины

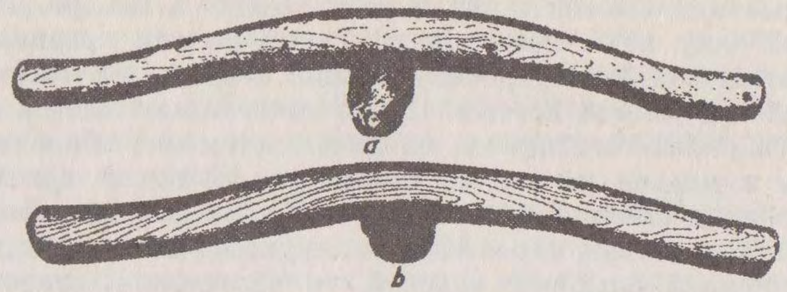


Рис. 144. *a* – Скребок с каменным вкладышем. Длина 64 см; *b* – Скребок с железным вкладышем. Длина 53 см

Рис. 145. Скребок. Общая длина 18,5 см. Ламуты

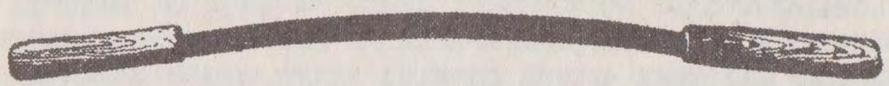


Рис. 146. Скребок. Общая длина 59 см. Ламуты

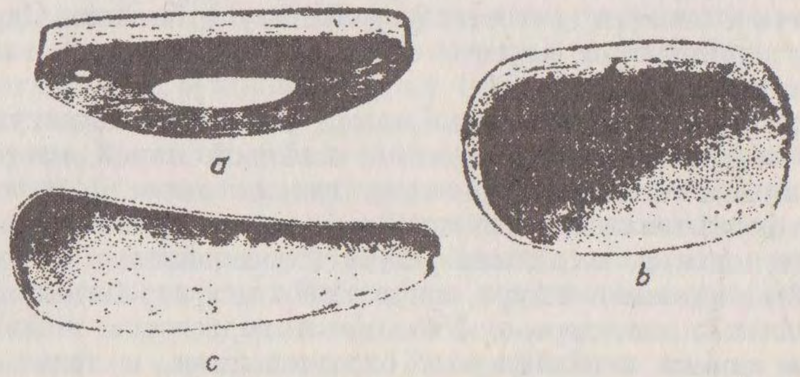


Рис. 147. *a*, *b* – Костяные скребки; *c* – Скребок из меди. 1/2 натуральной величины (*a* – чукчи, *b* – эскимосы, мыс Чаплина, *c* – приморские коряки Северной Камчатки, Палана)

формы (рис. 147с). Этот же инструмент служит для выдавливания сока из некоторых съедобных растений.

Шкуры выделываются как с волосяным покровом, так и без него. Для выделывания шкур чукотские женщины преимущественно употребляют олений помет и человеческую мочу, иногда мясной навар. Другие племена применяют жир, гнилую печенку, рыбью икру – свежую, порченую и сухую, предварительно несколько смоченную в воде, отруби и проч. Однако оленьи шкуры чукотской выделки выглядят мягче и лучше окрашенными, чем шкуры выделки их соседей. Процесс выделки шкур начинается

со складывания свежих шкур вместе: мездра к мездре. Так шкуры лежат одну ночь. Если шкуры сухие, то они предварительно смачиваются водой. Наутро внутренняя сторона шкуры очищается скобелем и мнется ногами. Потом кожа намазывается оленьим пометом и снова оставляется на ночь. Затем она обрабатывается скобелем и мнется ногами во второй раз. В то же время нагревается в продолжение часа сосуд с мочой, заправленной мелко изрезанной ольховой корой. Когда жидкость окажется достаточно насыщенной ольховой краской, то внутренняя сторона шкуры тщательно натирается ею и шкура вешается для просушки во внутреннем помещении. После просушки она снова обрабатывается скобелем, причем все жесткие места смачиваются мочой, трутся скобелем и окрашиваются вновь. Над большими шкурами процесс скобления повторяется несколько раз, при этом шкура оставляется для просушки на ночь. Скобление часто начинается каменным скобелем, а продолжается железным. Чем более длительной обработке подвергается шкура, тем она становится мягче и тоньше.

Окраска с помощью ольховой коры считается совершенно необходимой для всех частей оленьих шкур, даже для тех жестких полос, которые снимаются с оленьих ног и употребляются на пошитие обуви и женских рукавиц. Окрашивание делает кожу мягче и отчасти соответствует нашему дублению. Окрашенная кожа защищает от сырости много лучше, чем кожа с неокрашенной внутренней стороной.

Кожи, приготовленные женщинами из обрусевших туземцев, с белой мездрой или окрашенные ольховой корой, настоянной в воде вместо мочи, по качеству своему гораздо ниже кож чукотского изготовления. Главный недостаток всех этих кож заключается, однако, в их совершенной нестойкости к сырости. Даже слегка влажная шкура, когда высохнет, коробится и становится жесткой, как дерево. Указанный недостаток может быть исправлен новым скоблением и окрашиванием, и такая шкура после произведенной над ней работы оказывается лучшей по качеству, чем она была раньше.

В выделке оленьих кож, освобожденных от волоса, чукотские женщины не обнаруживают особого искусства. Выделанные кожи не находят широкого употребления среди чукоч. Для выделки кожа смачивается и оставляется на сутки сложенной. Затем кожа очищается от волоса и ей дают просохнуть. В таком виде кожи привозятся чукчами на ярмарки, так как они гораздо легче, чем шкуры с шерстью. Дальнейший процесс выделки кожи заключается в том, что кожа натирается одним из упомянутых выше материалов, затем мнется и выбеливается на воздухе или окрашивается желтой краской. Обрусевшие туземцы даже моют мылом тонко выделанные кожи, затем высушивают их на воздухе. Получаются кожи белоснежного цвета.

По большей части выделанные кожи продымляются в течение двух дней над очагом или в особо устроенном вне яранги навесе. Женщины из обрусевших туземцев для этой цели иногда устраивают даже подобие небольшой палатки, которая покрывается кожами, назначенными для дымления, а внутри палатки раскладывается сильно дымящий костер.

Лучшей выделанной чукотской кожей является покрытие шатра в верхних частях ее, где кожа подвергается длительному продымлению от находящегося внутри яранги очага. Такая кожа не сморщивается после дождя и в значительной степени устойчива против влажности. Покрытие яранги имеет коротко остриженный волос. При изготовлении одежды этот волос, если нужно, счищается железным скобелем. Так как кожа предварительно продымлена, то волос сходит легко. Однако часто он оставляется.

Употребление для одежды тюленьих кож менее развито, чем употребление оленьих. Тюленьи кожи используются преимущественно для изготовления обуви, мешков и вообще предметов обихода, которые не требуют такой тщательной обработки материала, какая требуется от материала, идущего на изготовление одежды. Моржовые и лахтачьи кожи после просушки не подвергаются дальнейшему процессу обработки.

Лахтачья кожа употребляется на подошвы обуви с волосами, чтобы сделать их теплее. Моржовая кожа разрезается по толщине вдоль надвое тонким широким ножом в то время, когда она туго натянута на сушильную раму (табл. XIII, рис. 1).

Если моржовая кожа употребляется на покрытие лодок, она не получает никакой добавочной обработки. Кожа просто смачивается водой, кроится, сшивается и натягивается на остов.

Шкуры мелких тюленей, употребляемые с волосом, приготовляются посредством простого скобления железным скобелем по их внутренней стороне. Небольшое количество жира, остающегося на этих шкурах, делает их более мягкими по изготовлении. Шкуры эти не окрашиваются. Употребляются они на изготовление весенней обуви, штанов и всякого рода мешков. Штаны и обувь из тюленьих шкур весьма крепки и для носки гораздо лучше оленьих, особенно в сырую погоду; будучи влажными, они не портятся по высушке.

Шкуры, идущие на изготовление летней обуви, смачиваются, складываются волосяной стороной внутрь и остаются в таком положении на ночь или две. Затем они хорошенько скоблятся с обеих сторон. Чтобы сделать кожу черной, ее окрашивают сажей, смешанной с жидким жиром или иногда с черной пылью от точильного камня. Часто на шкурах после скобления остается эпидерма, имеющая естественный черный цвет и могущая отчасти заменять искусственное окрашивание.

Белоснежные, подобные пергаменту кожи, употребляемые для изготовления украшений, получаются из хорошо выскобленных

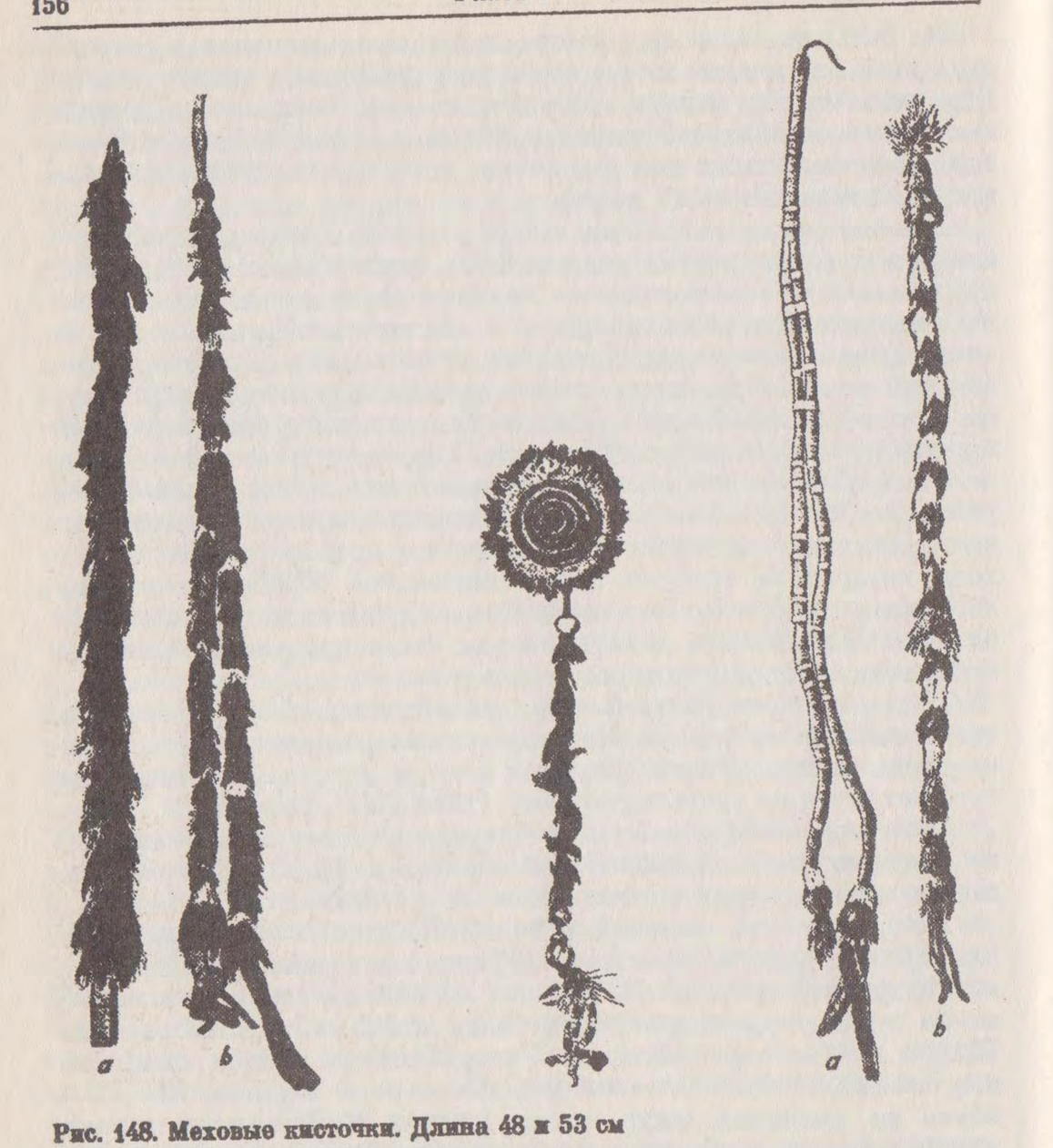


Рис. 148. Меховые кисточки. Длина 48 и 53 см

Рис. 149. Кисточка с бисером. Длина 28,5 см

Рис. 150. Кисточки, употребляемые с шаманскими целями. Длина 90 и 46 см

кож путем выбеливания их на воздухе в течение более или менее продолжительного времени. Лучшим временем года для такого выбеливания считается ранняя весна. Иногда эти кожи окрашиваются ольховой корой, и тогда они получают густой рыжевато-бурый цвет. Лучшая белая и рыжевато-бурая кожа — пергамент — получается из шкуры, снятой с шеи больших тюленей.

Мягкий мех детенышей пятнистых тюленей окрашивается в красную краску, изготовляемую из внутренних слоев лиственничной коры, смешанной с ольховой корой. Эти шкуры режутся на узкие полосы, которые сшиваются в длинные тонкие кисти для украшения одежды, покрытий детских нарт и т. п. (рис. 148a, b). Такие кисти часто имеют по одной или по две бусины в верхнем и нижнем конце (рис. 149). Маленькие круглые куски шкуры, к которым прикрепляется кисть, употребляются в качестве амулетов.

Длинные кисти, сделанные из полосок темно-коричневой кожи с белыми колечками, нашитыми через промежутки, или кисти из маленьких полосок, попеременно белых и черных, употребляются равным образом в качестве амулетов, а также для украшения предметов, имеющих отношение к шаманизму (рис. 150a, b).

Кройка и шитье. Для кройки шкур при изготовлении одежд употребляется особый нож. Этот нож носит наименование «женский нож» (ña'wan-wal) — чукотский термин соответствует названию эскимосского ножа, употребляемого для той же цели. В настоящее время эти ножи делаются из железа. Лезвие ножа несколько изогнуто и более широко в середине. Конец лезвия, в виде стержня (рис. 151a), всажен в деревянную рукоятку или сам обделан в виде рукоятки (рис. 151b). Возможно, что эта форма ножа развилась из своего каменного прототипа, подобно мясному ножу, но, с другой стороны, возможно, что этот нож скопирован с русского. Русские женщины на Колыме и Анадыре употребляют для кройки такие же ножи. Они носят название «палемка», уменьшительное от «пальма». Пальма — небольшой по величине нож с односторонним лезвием, похожим на лист пальмы; этот нож весьма распространен среди русских и якутов. Чукотские ножи для кройки русско-юкагирского изготовления или работы приморских коряков. Приморские чукчи в этом случае, как и вообще, пользуются американским ножевым производством.

Ножницы, употребляемые чукчами, так же как и прочими народами Северо-Восточной Азии и амурскими племенами, ведут свое происхождение, вероятно, от китайских. Кроильные доски бывают различной величины, по форме они длинные и узкие. Наименьшие из них применяются также для резки табачных листьев и примесей к табаку. Доски эти у чукоч почти всегда гладки и не имеют гравировки, как, например, у ламутов и юкагиров.

Иголки в настоящее время употребляются только металлические. Для шитья толстых кож, особенно подошв, предпочитаются трехгранные иголки, так как ими гораздо легче прокалывается кожа. Когда таких иголок нет, берется большая круглая игла, размягчается путем нагревания и обивается камнем.

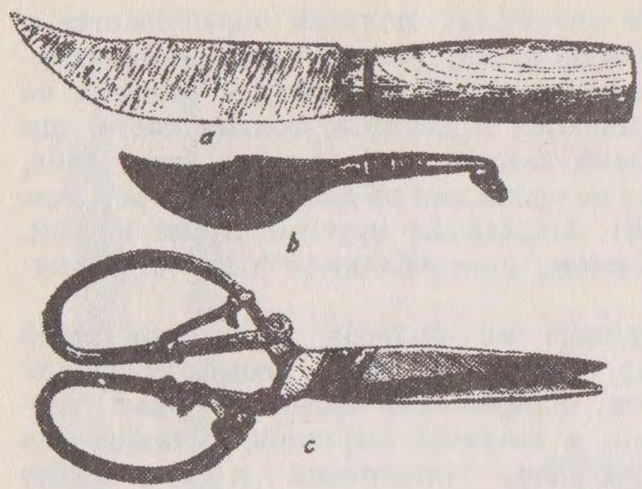


Рис. 151. *a*, *b* – Женские портняжные ножи. Длина 30,5 и 18 см; *c* – Ножницы. Длина 20 см

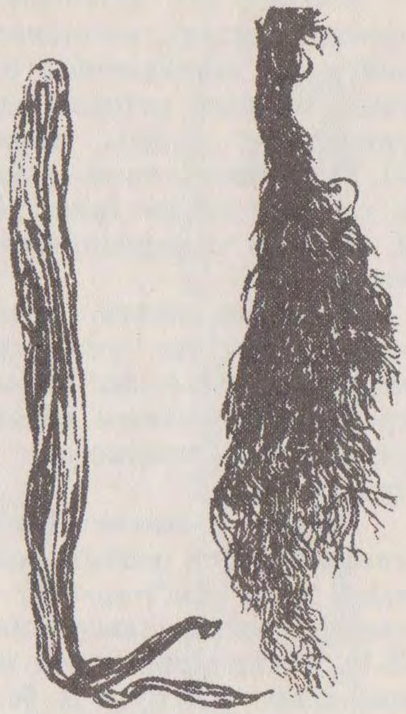


Рис. 152. Сухожилия из спины оленя. Длина 57 см

Рис. 153. Размягченные сухожилия. Длина 34 см

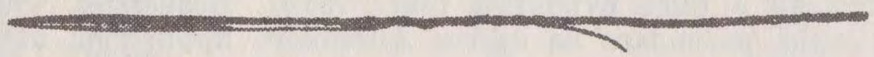


Рис. 154. Способ продевания нити в иглу. 1/2 натуральной величины

Нитки делаются из сухожилий со спины оленьей туши (рис. 152). Сухожилия просушиваются, разбиваются молотком и разделяются или расчесываются на тонкие части (рис. 153), которые легко свиваются в прекрасные крепкие нитки какой угодно величины. Один конец завязывается узлом. На другом же конце нитки делаются возможно тоньше для удобного вдевания в ушко иголки. Нитка вдевается в ушко иглы по эскимосскому способу петли: тонкий конец нитки продевается в ушко и затем свивается с основной нитью (рис. 154). Женщины обычно шьют, протягивая иголку на себя, и делают шов через край.

Наперстки в настоящее время по большей части употребляются металлические (рис. 155a [1]) и покупаются у торговцев. Они простейшего вида, с открытым верхом. Употребляются также наперстки из моржового клыка чукотского, корякского и камчадальского изделия (рис. 155b, d [1]), а также встречаются наперстки из кожи (рис. 155c [1]).

Игольники делаются по эскимосскому фасону, но обычно из железа или из меди [5] (рис. 155d [2], e [1]). Они представляют собой

[5] Ср.: *Boas F.* The Central Eskimo (Sixth Annual Report of the Bureau of American Ethnology). Washington, 1888, p. 524.

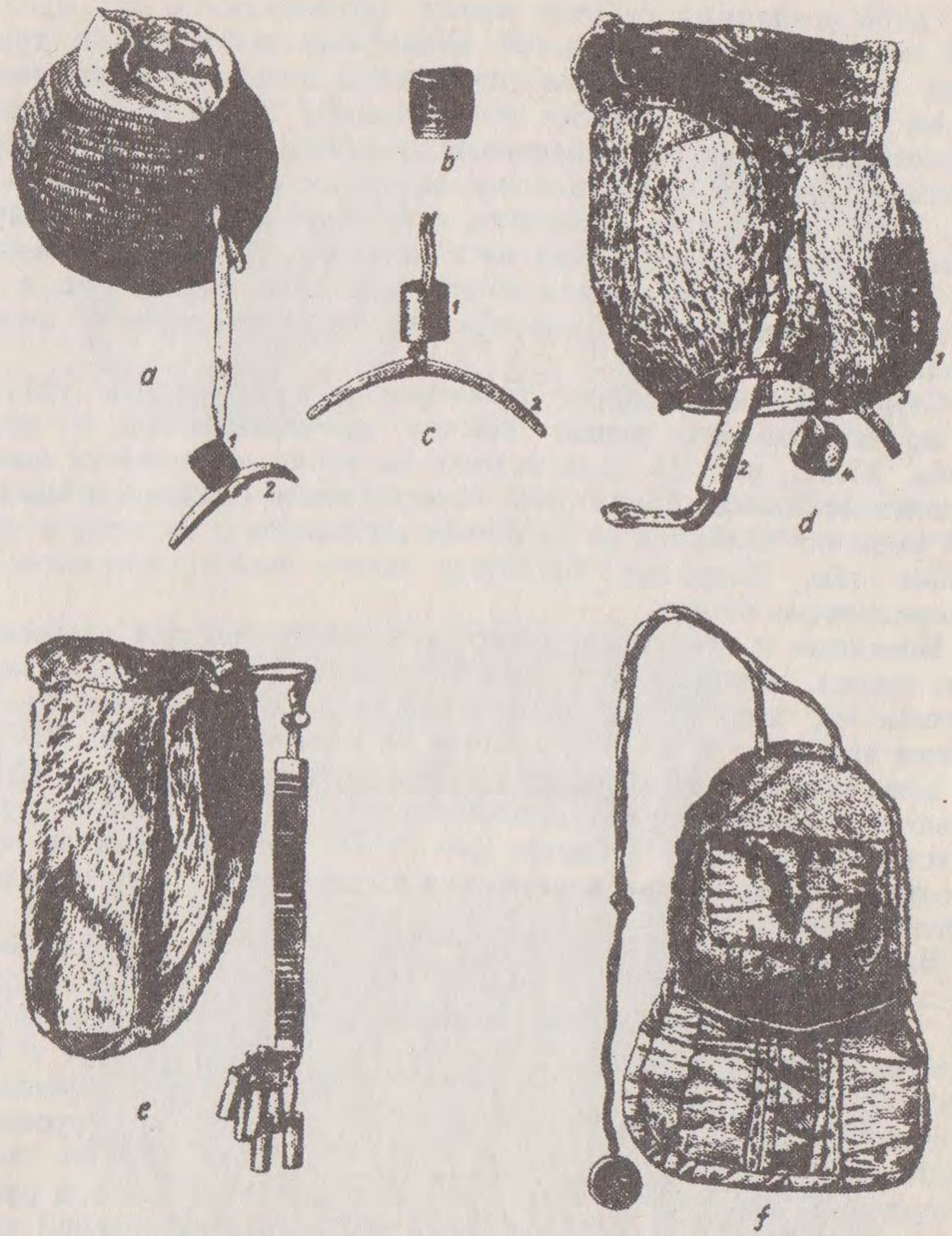


Рис. 155. *a* – Рабочая сумочка с железным наперстком (*1*) и костяным держателем наперстка (*2*). Высота сумочки 13 см; *b* – Костяной наперсток. Высота 2 см; *c* – Кожаный наперсток с костяным держателем. Высота 2,2 см; *d* – Рабочий мешок с костяным наперстком (*1*), игольником (*2*), железным держателем наперстка (*3*), красящим камнем (*4*). Высота мешочка 23,5 см; *e* – Рабочий мешочек с игольником (1). Высота мешочка 24 см; *f* – Рабочий мешочек. Ширина 20 см. Сделан на Анадыре

длинную тонкую трубочку, внутри которой иголки втыкаются в лоскуток ткани или кусок кожи. Наперсток подвешивается на тонком ремешке, прикрепленном к игольнику. Он удерживается железным (рис. 155d [3]) или иногда костяным приспособлением (рис. 155a [2], c [2]).

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ В. Г. БОГОРАЗА О ЧУКЧАХ

1898

На реке Россомашьей. Из впечатлений счетчика.– Сибирский сборник. Приложение к газете «Восточное обозрение» на 1898 г. 13-й год издания. Иркутск, 1898, с. 1–48.

1899

Краткий отчет об исследовании чукоч Колымского края (С картой маршрутов).– Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. 1899, т. 30, № 1, с. 1–51.

Образцы материалов по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В. Г. Богоразом.– Известия Академии наук. 1899, т. 10, № 3, с. 269–318.

Сказание об Эленди и его сыновьях (перевод с чукотского).– Известия Академии наук. 1899, т. 10, вып. 3, с. 350–370.

Сказка о чесоточном шамане Wапыськаlауl-lумозыl *.– Живая старина. Год 9-й. 1899, вып. 2, с. 263–270.

1900

Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В. Г. Богоразом. Ч. 1. Издание Академии наук. Отдел 3. СПб., 1900, т. 11, ч. 3, XXXVI+417 с.

1901

Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н. Л. Гондатти, находящихся в Этнографическом музее Академии наук.– Сборник Музея по антропологии и этнографии при Академии наук. 1901, т. 1, 66 с.+ 25 табл.

Чукчи.– Научное обозрение. Год 9-й 1902, № 1, с. 70–88. The Chukchi of Northeastern Asia.– American Anthropologist. 1901, vol. 3, c. 80–108.

1902

О принятии чукоч в русское подданство. Легенды и документы.– Живая старина. Год 12-й. 1902, вып. 2, с. 147–164.

1904

The Chukchee. Material Culture. The Jesup North Pacific Expedition. Memoir of the American Museum of Natural History, New York. Vol. 7. Pt. 1. Leiden – New York, 1904, 276 c.

Idées Religieuses des Tchouktchis.– Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris. 1904, t. 5 (V Série), c. 129–135.

1906

Religions Ideas of Primitive Man, from Chukchee Material. Internationaler Amerikanisten-Kongress, XIV. Tagung, Stuttgart, 1904. Stuttgart, 1906, c. 129–135.

1907

The Chukchee Religion. The Jesup North Pacific Expedition. Memoir of the American Museum of Natural History, New York. Vol. 7. Pt. 2. Leiden – New York, 1907, c. 277–536.

---

* Вместо lумозыl должно быть lымн'ыl.– *Ред.*

1908
Религиозные идеи первобытного человека. (По материалам, собранным среди племен северо-восточной Азии, главным образом среди чукоч).– Землеведение. 1908, т. 15, кн. 1, с. 60–80.

1909
The Chukchee. Social Organisation. North Pacific Expedition. Memoir of the American Museum of Natural History, New York. Vol. 7. Pt. 3. Leiden – New York, 1909, с. 537–733.

1910
К психологии шаманства у народов северо-восточной Азии.– Этнографическое обозрение. 1910, кн. 84–85, № 1–2, 36 с.
Chukchee Mythology. Jesup North Pacific Expedition. Memoir of the American Museum of Natural history, New York. Vol. 8. Pt. 1. Leiden – New York, 1910, с. 197.

1913
Чукотские рисунки. Сборник в честь семидесятилетия профессора Дмитрия Николаевича Анучина. М., 1913, с. 397–420.

1919
Народная литература палеоазиатов.– Всемирная литература. Литература Востока. Сборник статей. Вып. 1. Пг., 1919, с. 50–68.

1922
Chukchee. Handbook of American Indian Languages, by Franz Boas (Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology. Bull. 40. Pt. 2). Wash., 1922, с. 631–903.

1928
Chukchee Tales. Journal of American Folk-Lore. 1928, vol. 41, № 161, с. 297–452.

1930
Чукотский общественный строй по данным фольклора.– Советский Север. 1930, № 6, с. 63–79.

1931
Классовое расслоение у чукоч-оленеводов.– Советская этнография. 1931, № 1–2, с. 93–116.

1932
Религия как тормоз соцстроительства среди малых народностей Севера.– Советский Север. 1932, № 1–2, с. 142–147.
Северное оленеводство по данным хозяйственной переписи 1926–1927 гг.– Советская этнография. 1932, № 4, с. 26–62.
Чукотский букварь. Советский Север. 1932, № 10, с. 122–132.

1934
Чукчи. Авторизованный перевод с английского. Ч. 1. Л., 1934, XXX+192 с. Изд. 2. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2011.

1937
Лоураветланско-русский словарь. М.– Л., 1937, XXXIX+165 с.

1939
Чукчи. Религия. Авторизованный перевод с английского. Ч. 2. Л., 1939, XI+195 с., IV табл. Изд. 2. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2011.

И. С. Вдовин

ПОСЛЕСЛОВИЕ

О Владимире Германовиче Богоразе[1] (1865—1936), исследователе языков, фольклора, материальной и духовной культуры народов Северо-Востока Сибири, преимущественно чукчей, написан ряд обстоятельных статей[2]. В них с достаточной полнотой вскрыты и оценены научная значимость его трудов для мировой этнографической науки, для истории культуры северо-восточных палеоазиатов, определения их места в современной систематике народов мира и т. п. Его исследования содержат огромный материал, представляющий собой первоисточник для изучения языков, фольклора, всего комплекса явлений материальной и духовной культуры, социальных отношений, связей и взаимоотношений с соседями по состоянию на конец XIX — начало XX в. В то же время в его трудах содержатся исторические реконструкции, основанные на большом этнографическом материале, прежде всего его личных наблюдениях, а также на анализе лексики чукотского языка и записанного им впервые фольклора. Его работы представляют собой своего рода энциклопедию населения Северо-Востока Азии. Все современные исследования истории и культуры чукчей, коряков, азиатских эскимосов опираются на сведения, собранные, систематизированные и обработанные В. Г. Богоразом. Свои усилия и поиски ученый направлял прежде всего на накопление фактических сведений, характеризующих главные черты трудовой и общественной жизни чукчей. Все это делалось с глубоким проникновением в мельчайшие подробности и детали их материальных предметов и духовных традиций, что придает работам В. Г. Богораза значение надежного историко-этнографического источника. Они служили и будут служить образцом этнографического исследования, отличающегося ясностью изложения, исторической определенностью и достоверностью.

Начало научно-исследовательской деятельности этнографа и фольклориста В. Г. Богораза было довольно случайным и относится к 90-м годам прошлого века.

В 1880 г. В. Г. Богораз поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, откуда скоро перевелся на юридический факультет. Однако завершить образование ему не удалось. По политическому обвинению в 1882 г. он был выслан из Петербурга на родину, в Таганрог, после чего полностью переключился на революционную деятельность.

В 1889 г. после трехлетнего заключения в Петропавловской крепости В. Г. Богораз был осужден на десять лет ссылки и отправлен в Колымский округ. Так он поплатился за свое активное участие в деятельности партии «Народная воля». Местом ссылки был определен Среднеколымск. Помимо повседневных забот, определявшихся условиями жизни ссыльного, В. Г. Богораз, человек любознательный и деятельный, сразу же приступил к изучению языка и культуры русского старожильческого населения, а также юкагиров, эвенов, чукчей. Здесь он занялся и предметом, который ближе всего примыкал к кругу его политических взглядов и убеждений революционера-народника. «Социальное задание эпохи для последних землевольцев и народовольцев, попавших в далекую ссылку на крайнем северо-востоке,— писал он,— состояло в изучении народностей, разбросанных там, первобытных, полуистребленных и почти совершенно неизвестных» [3]. С этого времени началась его научная работа.

Уже в 1890 г. Богораз приступил к записи народных песен, былин, сказок русского населения берегов Колымы. Эти занятия стали для В. Г. Богораза не только лингвистической, но и этнографической школой, которая немало способствовала его успехам в дальнейшей работе. Начатые в 1896 г. публикации записей исследователя получили весьма положительную оценку ученых-филологов [4]. Наряду с чисто филологическими трудами В. Г. Богораз занимался и этнографией приколымского населения, что требовалось характером работы над составлением «Словаря областного колымского русского наречия», поскольку толкование диалектного слова часто требует этнографического описания предмета, обозначаемого им. Например: «Градка — грядка собачьей или оленьей нарты, оплетенная поверх задка, для того чтобы было удобнее сидеть. Нарта с градкой для того, чтобы возить седока. Нарта без градки для клади»; «Голицы (гойицы) — голые деревянные лыжи. На Колыме лыжами называются только те, которые обтянуты оленьим или конским камусом».

Такие и подобные пояснения — свидетельство наблюдательности, этнографического внимания к явлениям и предметам культуры. По словарным статьям можно проследить также линии влияния культур местного населения (юкагиров, чукчей, эвенов, якутов) на русских в области материального производства, быта и других сторон жизни: «Гинджил — нижний край шатровой полы (с юкагирского)»; «Гатка — тесло особой формы (с чукотского)»; «Алачики (айачики) — женская домашняя обувь особого покроя в виде мягких замшевых ноговиц, пришитых к узеньким чиркам из черненой кожи (с ламутского)»; «Бадаран — топь, моховая трясина, болото широкое и открытое (с якутского)» и т. п.

В 1894 г. на средства И. М. Сибирякова [5] Восточно-Сибирским отделом Русского географического общества была снаряжена Якутская экспедиция, целью которой было «изучение быта северных инородцев для выяснения причин вымирания некоторых из них, а также уяснения влияния русских» [6]. Организатором и руководителем экспедиции был Д. А. Клеменц, который в 1894 г. побывал в Якутске для проведения организационных мероприятий и обсуждения планов. Тогда же В. Г. Богораза пригласили участвовать в этой экспедиции в качестве этнографа. На протяжении почти трех лет (1895—1897) он всесторонне исследовал язык [7], общественный строй, экономику, быт и культуру чукчей и эвенов, кочевавших по правым притокам Колымы (Большому Анюю, Олою и Омолону). Здесь же он стал участником первой всеобщей переписи населения Российской империи, проводившейся в 1897 г. Сам характер переписи, ставившей задачи установления численности населения, географию его расселения, племенного, родового и сословного состава, национальной и религиозной принадлежности, распространения местных языков и других данных, создавал хорошее поле для всестороннего ознакомления с культурой народа, социально-экономическими основами его жизни и бытовым укладом. Как известно, В. Г. Богораз не имел специальной этнографической подготовки, не был он и в Якутске, куда приезжал Д. А. Клеменц для инструктирования участников экспедиции, поэтому можно считать вполне справедливым его замечание, что в области этнографии он был «автодидактом». К этому следует добавить — весьма серьезным, осторожным и требовательным к своим заключениям. Он тщательно контролировал свои наблюдения и выводы при помощи чукчей благодаря знанию их языка. В ряде длительных поездок его сопровождал чукча Айнганват, оказавший ему «большие услуги для ознакомления с языком и разъяснения различных малопонятных явлений чукотской жизни» [8]. Несмотря на очевидные успехи, достигнутые В. Г. Богоразом в изучении языка и этнографии чукчей, он считал свои исследования первых десяти месяцев недостаточно полными. «Конечно,— отмечал он,— исследования, произведенные в такой сравнительно короткий срок и на таком обширном и во всех отношениях неразработанном поприще, не могут иметь притязания на полноту ни в одной из затронутых мною отраслей жизни» [9]. Этот период в исследовании чукчей в Колымском крае Богораз рассматривал как предварительную подготовку к «дальнейшему более тщательному исследованию». Так писал он не из ложной скромности: он хорошо видел и понимал сложность стоявшей перед ним научной задачи.

Знание языка, с одной стороны, облегчало ему работу как исследователя, с другой — усложняло ее, так как перед ним раскрывался все шире и глубже мир иного ви́дения окружающего, необычных и своеобразных представлений, понятий, ранее никем из писавших о чукчах не раскрывавшийся. Уже в этот

период Владимир Германович пришел к непоколебимому убеждению в том, что никакое основательное изучение культуры того или иного народа невозможно без знания языка этого народа. В этом он был глубоко прав. Еще в 1899 г. В. Г. Богораз писал: «В самом начале работ я считал, что без знания языка немыслимы никакие сколько-нибудь серьезные этнографические исследования»[10]. Позднее это положение он развернул более подробно: «Язык является не только орудием для общения с туземцами без посредства переводчиков, часто небрежных и невежественных, он составляет лучшее средство для познания самой народности — средство безошибочное и точное, ибо из каждой фразы, даже из каждой отдельной формы, можно извлечь драгоценные подробности, относящиеся к производственным стадиям, социальным институтам и связанной с ними идеологии»[11]. В этом его убеждения вполне совпадали со взглядами и опытом этнографических исследований Л. Я. Штернберга на Сахалине в конце XIX в.[12]. К такому же заключению пришел и В. И. Иохельсон, также участник Сибиряковской экспедиции в Колымском крае, занимавшийся изучением главным образом юкагиров[13]. Тезис о необходимости изучения языков явился одним из основных положений ленинградской школы этнографии, которую в конце двадцатых годов возглавляли Л. Я. Штернберг и В. Г. Богораз. К сожалению, теперь уже почти забыто это крайне нужное направление в подготовке этнографов.

В 1898 г. благодаря ходатайству Академии наук В. Г. Богоразу было разрешено возвратиться из ссылки досрочно. В Петербурге он стал научным сотрудником Музея антропологии и этнографии Академии наук. Еще по пути в Петербург в октябре 1898 г. на заседании Распорядительного комитета Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества В. Г. Богораз прочитал свой «Краткий отчет об исследовании чукоч Колымского края»[14]. Тогда же комитет принял решение о необходимости его скорейшего опубликования. Этот отчет явился первой этнографической работой В. Г. Богораза о чукчах, работой, в которой охватывался широкий круг вопросов не только описательного, но и обобщающего порядка, что свидетельствует о плодотворности исследований, проделанных автором в полевых условиях. Отчет убедил слушателей также в том, что молодой ученый открыл для науки ряд таких областей культуры и быта чукчей, которые до этого никем не освещались. И в самом деле, помимо описания маршрутов поездок в отчете содержатся сведения о расселении оленных чукчей, характеристика основных особенностей фонетики и грамматики чукотского языка, сведения о составе собранных материалов по фольклору чукчей, первое определение и характеристика жанров чукотского фольклора, описание национального характера чукчей. Касаясь последнего вопроса, Владимир Германович отметил: «Самой симпатичной чертой характера оленных чукоч является их трудолюбие, особенно по отношению к оленным стадам, которым они выделяются среди всех соседей и благодаря которому стада их размножаются даже при неблагоприятных условиях»[15]. В отчете он останавливается и на проблеме происхождения чукчей, приводит данные об их связях с эскимосами, что говорит о стремлении автора выявить исторические истоки некоторых элементов культуры оседлых чукчей. «Приморский элемент чукотского племени,— отмечал он,— вероятно, находится в той или иной связи с эскимосским племенем Америки... В настоящее время поселения азиатских эскимосов сосредоточены по побережью Тихого океана, но есть указания, что они раньше существовали и по Ледовитому побережью, на месте современных чукотских поселений... Многие имена чукотских приморских поселков, также многие собственные имена приморских чукоч, по указанию оленных чукоч, имеют чужеземное происхождение»[16]. Далее в этом отчете довольно подробно описаны обряды и верования, семейно-родовые отношения, дается характеристика общественной организации чукчей, правовых норм, действующих среди них, и др. К отчету приложен «Перечень собранных материалов» и «Карта маршрутов».

По прибытии в Петербург В. Г. Богораз подготовил к печати и опубликовал «Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н. Л. Гондатти»[17]. Эта книга показала, что ее составитель в совершенстве знает предмет — т. е. материальную культуру чукчей. Уже в 1902 г. в журнале «Этнографическое обозрение» появился весьма положительный отзыв профессора А. Н. Максимова, который писал, что книга В. Г. Богораза «представляет весьма крупный вклад в русскую этнографическую литературу... она впервые дает нам систематическое и строго научное представление о чукчах, о которых в литературе раньше имелись довольно случайные разрозненные сведения... Личное знакомство автора с описываемым народом играло несравненно большую роль, чем изучение собранных другим коллекций, и без него было бы положительно невозможно такое обстоятельное и отчетливое описание, какое мы имеем в настоящей книге... Правильнее было бы сказать, что книга составлена преимущественно на основании личных наблюдений, а коллекции Этнографического музея послужили для нее лишь материалом для иллюстраций»[18].

В «Очерке» обстоятельно описаны: пища, одежда, украшения, жилище, утварь, оружие, орудия труда, оленеводство, охота, игры и игрушки, идолы и домашние святыни, костяные изделия чукчей. Описания согласуются с многочисленными рисунками предметов, помещенных на 25 таблицах книги. Эта работа дала возможность В. Г. Богоразу познакомиться ближе с культурой той части чукчей, среди которых он еще не был, а также убедиться почти в полном сходстве материальной культуры при-

колымских и прианадырских оленных чукчей. Знакомство это, хотя и заочное, было весьма полезно.

Уже подготовка к печати этой работы проводилась с большим напряжением, так как Министерство внутренних дел не разрешило «неблагонадежному» ученому проживать в Петербурге.

По инициативе академика В. В. Радлова историко-филологическое отделение Академии наук возбудило ходатайство о разрешении В. Г. Богоразу временно проживать в Петербурге, пока он не закончит занятий по разбору этнографических коллекций и изданию собранных им материалов. Однако министр внутренних дел Сипягин дал разрешение на проживание в Петербурге только в течение четырех месяцев, с 1 января по 1 мая 1899 г. Помимо вышеназванной работы и лингвистических материалов Владимир Германович успел к концу этого срока подготовить также статью «Ламуты» [19]. Как сложилась бы судьба В. Г. Богораза дальше, сказать трудно, если бы не одно обстоятельство, которое помогло ему вернуться снова к занятиям по этнографии чукчей и других народностей Северо-Востока.

Уже к началу 1899 г. В. Г. Богораз зарекомендовал себя как вполне подготовленный ученый, знаток языка и этнографии чукчей. Поэтому, когда организатор Северо-Тихоокеанской экспедиции Джезупа антрополог и лингвист Ф. Боас обратился к академику В. В. Радлову с просьбой рекомендовать ему русских ученых, которые могли бы заняться изучением народностей Северо-Востока Сибири, то В. В. Радлов одним из первых назвал имя В. Г. Богораза. Эта совместная американо-русская экспедиция ставила своей целью выяснение историко-культурных связей между коренным населением Тихоокеанского побережья Северо-Запада Америки и Северо-Востока Сибири. Так В. Г. Богораз оказался руководителем Анадырского отряда Северо-Тихоокеанской экспедиции. В его непосредственные задачи входило этнографическое, лингвистическое и антропологическое изучение чукчей, сибирских эскимосов, отчасти коряков и ительменов.

И в этой экспедиции ученый значительную часть времени уделил изучению языков и их диалектов, что служило ему основанием для выявления этнокультурных признаков изучаемых народностей. За год работы в этой экспедиции он проехал около шести тысяч километров на собаках и несколько сот километров на эскимосской байдаре, стоически перенося всевозможные лишения и неудобства трудного путешествия, при почти полном отсутствии условий для ведения записей. К тому же местные власти чинили ему всяческие помехи. Дело в том, что министр внутренних дел, шеф жандармов Сипягин одновременно подписал два документа, один — «открытый лист», в котором на местные власти возлагалась обязанность оказывать В. Г. Богоразу содействие, и другой — секретный циркуляр, адресованный тем же властям и уведомлявший их о том, что «ввиду прежней

противоправительственной деятельности Богораза и Иохельсона оказание им какого-либо содействия по возложенным на них ученым трудам представляется совершенно несоответственным», и, кроме того, предложил учредить «за деятельностью и сношениями означенных лиц негласное наблюдение» [20]. Это секретное распоряжение старательно исполнялось местными властями, особенно гижигинским исправником. На время пребывания В. Г. Богораза в этой экспедиции к нему были приставлены два казака, которые и осуществляли «надзор», следуя за ним во всех его странствиях. Впрочем, это обстоятельство не очень смущало ученого.

Прибыв на пароходе в Ново-Мариинск (ныне г. Анадырь) в июне 1900 г., он сразу же приступил к исследовательской работе. В течение лета он объехал на карбасе стойбища оленных чукчей, выходивших на летовку на берега Анадырского лимана, в конце октября через с. Марково выехал на собаках в с. Каменское, а затем и на Камчатку. На этом пути он ознакомился почти со всеми группами оседлых коряков и ительменов. Обратно он проехал через поселки кереков: Ильпи, Укилян и Ватыйкан (Хатырка), затем по р. Хатырке до ее верховий, откуда он выехал на р. Великую и по ней возвратился в Ново-Мариинск. Таким образом, В. Г. Богораз познакомился с самой южной группой кочевых чукчей, так называемых тэлкэпыльыт, обитавших в верховьях реки Апуки, по Хатырке и по Великой.

Не задерживаясь долго в Ново-Мариинске, В. Г. Богораз уже в апреле выехал на собаках на север, по пути изучая чукотское и эскимосское население этой части Тихоокеанского побережья Чукотки. В мае 1901 г. он прибыл в с. Чаплино, где пробыл, с перерывами для поездки на остров Св. Лаврентия, до 7 июня, после чего на байдаре возвратился в Ново-Мариинск, откуда отплыл пароходом во Владивосток, а затем выехал в Америку для обработки и подготовки к публикации собранных материалов. Полученные во время этой поездки, продолжавшейся пять месяцев, материалы, весьма обширные по своему объему и характеру, легли в основу его последующих трудов по чукотско-корякской группе языков, фольклору, этнографии, по выявлению сравнительных данных для выделения общих и особенных черт культуры чукчей, территориальных подразделений коряков и ительменов, а также сибирских эскимосов и эскимосов Тихоокеанского побережья Америки. Научным итогом этой и предыдущей экспедиций явилась монография в четырех частях, вышедшая в Америке на английском языке в 1904—1910 гг. В 1934 г. в Ленинграде вышел авторизованный перевод на русский язык «Социальной организации» («Чукчи». Ч. 1), а в 1939 г. «Религия» («Чукчи». Ч. 2). Тогда же готовился к изданию на русском языке том «Материальная культура чукчей». Перевод был сделан еще в 1929 г. неким А. И. Степановым, но со значи-

тельными отступлениями от оригинала, о чем мы узнаем из переписки В. Г. Богораза с переводчиком[21]. Исправления, дополнения и уточнения перевода были сделаны С. Н. Стебницким и М. Л. Стебницкой, после чего текст был в значительной части просмотрен и исправлен самим В. Г. Богоразом. При этом он был немного сокращен за счет некоторых общих мест, отдельных подробностей, относящихся к описанию предметов, сравнительных отступлений, частных замечаний. Однако издание «Материальной культуры чукчей» тогда не состоялось, война окончательно прервала это начинание. Оригинал перевода с поправками С. Н. Стебницкого и автора находится в ленинградской части Архива АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 61 и 63 (Фонд В. Г. Богораза). По составу глав предлагаемый перевод также не вполне соответствует английскому оригиналу. Дело в том, что при подготовке к публикации на русском языке первой части монографии «Чукчи» («Социальная организация») В. Г. Богораз нашел необходимым дополнить перевод рядом глав из тома «The Chukchee. Material Cultura», содержащих некоторые общие сведения, а именно: Гл. 1. Название и самоназвание. Гл. 2. Общая характеристика чукоч. Гл. 3. Сношения чукоч с русскими. Гл. 4. Чукотская торговля. Поэтому названные главы не вошли в настоящее издание. Оно содержит семь глав: Гл. 1. Оленеводство. Гл. 2. Собаководство. Гл. 3. Охота и рыболовство. Гл. 4. Жилище. Домашняя утварь. Гл. 5. Пища. Гл. 6. Производство. Гл. 7. Одежда.

Ряд глав этой книги, например «Оленеводство», «Собаководство», начинается обобщающими вступительными замечаниями, которые фиксируют внимание читателей на этнокультурной близости чукчей с их соседями, что само по себе существенно для истории коренных обитателей этого региона. Особое внимание Богораз уделил материальной культуре оленеводов, поразившей его приемами и техникой изготовления, средствами и способами сопряжения отдельных элементов орудий труда, средств передвижения, одежды и жилища. Во всем этом он видел наследие неолитического времени. Кажущаяся примитивность, простота устройства, ограниченность предметов, которыми обходились чукчи, на самом деле представляли собой пример хорошего приспособления вещей к природно-географическим условиям Севера, предельно рациональных и практичных, свидетельствовавших о большой изобретательности их создателей, учитывая ограниченный набор исходных материалов для их изготовления. Так, олень — основной источник жизнеобеспечения, он давал пищу, материал для одежды, обуви, жилища, жир для освещения и отопления, а его рога использовались для изготовления деталей нарт, упряжи и ряда других бытовых предметов. Быт оседлых чукчей, с которыми ученый соприкасался лишь проездом, описан менее подробно.

В данной работе весьма существенно и то, что подробное описание материальной культуры чукчей сопровождается аналогиями и параллелями из быта соседних народов (коряков, эскимосов, эвенов, ительменов), а иногда и более отдаленных — например нивхов. Такого рода сведения глубоко поучительны, дают пищу для историко-культурных гипотез и выводов. Чаще всего ученый обращает внимание на идентичность предметов материальной культуры чукчей с предметами аляскинских эскимосов, а также на схожесть некоторых особенностей их быта. В этом он видел взаимосвязь культур населения побережий пролива. Здесь издавна осуществлялись контакты населения Северо-Востока Азии и Северо-Запада Америки, что находит широкое отражение в фольклоре чукчей и эскимосов и подтверждается историческими исследованиями, а также данными археологии. Так, чукчи, подобно эскимосам, спят головами ко входу, у них такие же снаряды для сверления отверстий, женские ножи, распялки для просушки шкур морских животных, гребни для расчесывания травы, сухожилий и т. д. и т. п. К сравнениям и сопоставлениям его обязывали задачи экспедиции Джезупа, что он и делает во всех разделах книги, привлекая данные из жизни юкагиров, эвенов, якутов, полученные им во время Сибиряковской экспедиции. Например, он указывает, что самострелы на лосей, диких оленей ставят якуты и эвены, тогда как чукчи — только на лисиц и зайцев. Говоря о сухопутной охоте у чукчей, В. Г. Богораз приводит данные об охоте анюйских и омолонских юкагиров, о некоторых приемах и способах их охоты на диких оленей. Описывая чукотские способы передвижения по воде, ученый обращает внимание на повсеместное распространение на Северо-Востоке Сибири каяков, включая и побережье Охотского моря. Во всем он обнаруживает тонкую наблюдательность, тщательное изучение им предметов материальной культуры со всеми мельчайшими конструктивными деталями (например, замечает, что метательные дощечки на Анадыре имеют отверстие для пальца с правой стороны, а на Колыме — большей частью посредине). Весьма обстоятельно описываются виды собачьих упряжек: эскимосская, камчадальская, поречан Колымы, чукчей. Таким образом создается общая картина упряжного собаководства Северо-Востока Сибири и Аляски.

Касаясь орудий морского зверобойного промысла, В. Г. Богораз сравнивает наконечники гарпунов чукчей и северных ительменов и находит, что они одного типа с наконечниками гарпунов северных коряков и алюторцев, но отличаются бóльшим разнообразием внешнего вида и материалом.

Читая эту книгу, следует иметь в виду, что, когда она создавалась, автор ее придерживался взглядов американской школы исторической антропологии, основателем которой был Ф. Боас, руководитель экспедиции Джезупа.

В 1934 г. в предисловии к русскому изданию В. Г. Богораз писал: «Моя монография о чукчах мне кажется во многих местах

устарелой, и я мог бы теперь изменить самый метод анализа. Я, однако, предпочел напечатать мой основной текст без всяких изменений в качестве исторического материала, написанного и изданного тридцать лет назад... Переходя к пересмотру всего материала моей монографии с новой точки зрения, я должен прежде всего отметить эмпирический характер своей работы. Я старался следовать за фактами и с некоторым трудом решался на обобщения. Ибо я должен сказать вообще, что во время моей полевой работы, а также и после того я относился с недоверием ко всем существовавшим в то время теориям развития первобытного общества. В этом отношении я в то время больше приближался к Францу Боасу, который до сих пор во всех этнографических и социологических вопросах занимает такое же преувеличенно осторожное, скептическое положение» [22]. Однако, несмотря на столь самокритическое признание, можно и теперь присоединиться к мнению Я. П. Алькора (Кошкина), который, оценивая научное значение монографии В. Г. Богораза в 1934 г., отметил главное: «Эта работа создала эпоху в изучении чукотской народности и поставила Богораза в ряды крупнейших этнографов современности... Несмотря на то, что „Чукчи" написаны в начале XX века и покоятся на материалах конца XIX века, они сохранили свое значение и в настоящее время, ибо и сейчас нет другой работы, которая с такой обстоятельностью дала бы картину материального быта, религиозных верований и отчасти социального строя чукоч» [23].

К сказанному следует добавить, что и в наше время труды В. Г. Богораза по этнографии чукчей также не потеряли своего научного значения. Они важны для нас как обстоятельное и убедительное, глубокое и всеохватывающее описание жизни чукчей, их культуры и быта конца XIX – начала XX в. Эти труды являются также весьма ценным, порой единственным, источником при изучении истории и этнографии чукчей вообще. Ни один исследователь прошлого и настоящего чукчей и вообще истории Северо-Востока Сибири не может обойтись без этих капитальных трудов.

Кроме того, работы Богораза могут иметь для молодого поколения чукчей и практическое значение, поскольку они уже не знают многого из того, что им описано.

При подготовке к изданию настоящего тома проведена сверка перевода с оригиналом, в результате чего были сделаны некоторые необходимые уточнения, не нарушившие общего стиля перевода и содержания самого текста. В отдельных случаях мы сочли необходимым сопроводить настоящее издание примечаниями (они имеют буквенные обозначения и даются в конце книги), необходимыми для более полного понимания рассматриваемых явлений материальной культуры чукчей с учетом результатов современных исследований в данной области.

Все отсылки автора на цитируемую им литературу оставлены в постраничных примечаниях.

[1] Некоторые работы В. Г. Богораза подписаны псевдонимом Н. А. Тан. Нередко псевдоним присоединялся к фамилии. Образован псевдоним от прежнего имени Богораза – Натан. Приняв православие в 1885 г., он получил имя Владимир Германович.

[2] См.: *Shternberg L. Y.* The Chukchee, by W. Bogoras.– American Anthropologist. 1905, vol. 7, № 2; *Кагаров Е. Г.* В. Г. Богораз в зарубежной критике.– Советская этнография. 1935, № 4–5; *Алькор Я. П.* В. Г. Богораз-Тан.– Советская этнография. 1935, № 4–5; *он же.* Предисловие редактора.– *Богораз В. Г.* Чукчи. Ч. 1. Л., 1934. *Зеленин Д. К.* В. Г. Богораз – этнограф и фольклорист.– Памяти В. Г. Богораза (1865–1936). Сборник статей. М.– Л., 1937; *Францев Ю. П.* Предисловие редактора.– *Богораз В. Г.* Чукчи. Религия. Ч. 2. Л., 1939; *Иванов С. В.* Памяти В. Г. Богораза.– Советская этнография. 1946, № 3; *Вдовин И. С.* В. Г. Богораз как исследователь языков народов Северо-Востока.– На Севере дальнем. Кн. 6. Магадан, 1957; *он же.* В. Г. Богораз – исследователь языков и культуры народов Северо-Востока Сибири (К столетию со дня рождения).– Советская этнография. 1965, № 3; *Шахнович М. И.* Советский историк религии В. Г. Богораз-Тан (К столетию со дня рождения).– Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР. М.– Л., 1966; *Беликов Л. В.* В. Г. Богораз как собиратель и исследователь чукотского фольклора.– Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1967, т. 353.

[3] *Алькор Я. П.* Предисловие редактора, с. XIII.

[4] См.: Новые записи былин в Якутской области.– Этнографическое обозрение. 1896, № 2–3, с. 73–106. Под тем же названием В. Ф. Миллер опубликовал еще восемь вновь записанных В. Г. Богоразом былин (Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1900, т. 5, кн. 1, с. 36–78). В 1901 г. были опубликованы другие фольклорные записи В. Г. Богораза, собранные среди населения долины Колымы, вошедшие в книгу «Словарь областного колымского русского наречия» (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1901, т. 68, 346 с.). По поводу последней работы журнал «Этнографическое обозрение» (1902, № 1, с. 134) писал: «Работа В. Г. Богораза, дающая ценный филологический и литературный материал, очень интересна как для языковедов, так и для людей, изучающих русскую словесность». К этой оценке с полным основанием можно добавить, что «Словарь...» содержит ценные сведения о культуре старожильческого русского населения Колымы конца XIX – начала XX в., поскольку он охватывает все стороны быта, трудовых занятий населения.

Еще более высокую оценку получили материалы по чукотскому языку и фольклору, которые были систематизированы и обработаны В. Г. Богоразом для печати, когда он находился еще на Колыме. Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества, куда были представлены эти материалы, не имея возможности издать их, обратился за содействием к историко-филологическому отделению Академии наук. Рассмотрев это обращение, отделение признало необходимым предварительно ознакомиться с указанными материалами, для чего была создана комиссия в составе академиков В. В. Радлова, В. И. Васильева, К. Г. Залемана, А. А. Куника, В. Р. Розена. Эта комиссия «нашла весьма желательным обнародование материалов по фольклору и языку столь мало еще известных юкагиров и чукоч, однако, прежде чем войти в отделение с планом издания, просила членов экспедиции В. Иохельсона и В. Богораза представить образцы собранных ими текстов с грамматическими объяснениями» (Протокол № 1 заседания историко-филологического отделения от 13 января 1899 г.). Так появилась на свет работа «Образцы материалов по изучению чукотского языка и фольклора», доложенная на заседании историко-филологического отделения 10 февраля 1899 г. Работа получила заслуженную

высокую оценку членов указанной комиссии. Историко-филологическое отделение приняло решение об ее опубликовании Академией наук. Одновременно было решено просить автора подготовить к изданию другие материалы по чукотскому языку, а для поддержания автора ходатайствовать об изыскании соответствующих средств. Докладывая об этом собранию историко-филологического отделения, академик К. Г. Залеман говорил: «Записка г. Иохельсона о языке юкагиров уже отпечатана в Известиях, и члены собрания могли убедиться по ней, с каким уменнем и талантом составлен его труд. То же самое, еще в высшей мере, могу я сказать об имеющейся у меня в руках записке г. Богораза, представляющей чукотский текст». Тогда же было решено выдать В. Г. Богоразу 600 руб. для того, чтобы он имел возможность «приступить к окончательной редакции собранных им драгоценных материалов, представляющих высокий научный интерес».

Столь пристальное внимание к трудам членов Сибиряковской экспедиции со стороны Академии наук свидетельствовало о признании необходимости всестороннего специального изучения малочисленных племен и народностей Севера Сибири.

[5] Иннокентий Михайлович Сибиряков — золотопромышленник-меценат. В 1894—1896 гг. Восточно-Сибирским отделом Русского географического общества на средства Сибирякова была предпринята Якутская экспедиция, называемая также Сибиряковской, для изучения культуры и быта аборигенов.

[6] Годовые отчеты Имп. Русского географического общества. Отчет за 1894 г. СПб., 1895, с. 32—33.

[7] О лингвистических исследованиях В. Г. Богораза см.: *Вдовин И. С.* В. Г. Богораз как исследователь языков народов Северо-Востока.— На Севере дальнем. Кн. 6. Магадан, 1957.

[8] *Богораз В. Г.* Краткий отчет об исследовании чукоч Колымского края. Иркутск, 1899, с. 8.

[9] Там же, с. 3.

[10] *Богораз В. Г.* Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. 1. СПб., 1901, с. 1.

[11] *Богораз В. Г.* Л. Я. Штернберг как фольклорист.— Сборник памяти Л. Я. Штернберга. Л., 1930, с. 85.

[12] *Штернберг Л. Я.* Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора. СПб., 1909, с. VIII.

[13] *Иохельсон В. И.* Предварительный отчет об исследовании инородцев Колымского и Верхоянского округов.— Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Иркутск, 1898, т. 29, № 1, с. 25—26.

[14] *Богораз В. Г.* Краткий отчет об исследовании чукоч Колымского края (С картой маршрутов).— Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Иркутск, 1899, т. 30, вып. 1.

[15] Там же, с. 20.

[16] Там же, с. 22.

[17] Николай Львович Гондатти, Ученый секретарь Общества антропологии, этнографии и естествознания при Московском университете, в 1894 г. был назначен начальником Анадырского окружного управления. С 1911 г. вплоть до Октябрьской революции он был приамурским генерал-губернатором.

[18] Этнографическое обозрение. 1902, № 2, с. 165.

[19] *Богораз В. Г.* Ламуты.— Землеведение. 1900, № 1, с. 59—72. См. также список основных трудов В. Г. Богораза о чукчах в настоящем издании.

[20] В 1903 г. В. Г. Богораз зло высмеял Сипягина, опубликовав этот «секретный циркуляр» в штутгартском журнале «Освобождение» (№ 15, с. 255—256), в статье под названием «Двуликий Янус».

[21] ЛО ААН СССР, ф. 250, оп. 1. д. 62.

[22] *Богораз-Тан В. Г.* Чукчи. Ч. 1, с. XIV—XV.

[23] *Алькор А. Я.* Предисловие редактора, с. V.